

The Conflictogenicity Index of Media Discourse in the Context of the National Communicative Style: Evidence from Mexican and American Mass Media

Natalia V. Karpovskaya, Irina Ig. Davtians

Southern Federal University,
105/42, B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia

Abstract. The escalation of socio-economic and geopolitical tensions is heightening the potential for conflict not only in intercultural but also in monocultural communication. Within this context, the media plays a significant role in shaping public sentiment and fostering situations conducive to conflict. This study aims to define the Conflictogenicity Index of Media Discourse (CIMD), examine its correlation with national communicative styles, and analyse the specific realisation of Lexical Pragmatic Markers of Conflictogenicity (LPMCs) in contemporary Mexican and American media. A particular focus is placed on devising a methodology for calculating the CIMD and trialing it through the analysis of empirical data. The analysis draws on a corpus of 680 online publications from 2021 to 2025, sourced from outlets including *La Jornada*, *Excélsior*, *El Milenio*, *Fox News*, *The New York Times*, *The New York Post*, etc. These publications address the migration crisis – an issue of common concern to both Mexico and the United States – thereby framing the investigation of conflictogenicity within an “Us vs. Them” dynamic. The findings confirm that norms of national communicative style govern the selection, frequency, density, and permissible strength of negative evaluation in LPMCs. This study also reveals that both the perceived intensity of a conflictogenic marker and the overall CIMD are subject to cross-cultural variation. To illustrate, articles deemed highly conflictogenic within Mexican linguoculture may be rated as medium or even low on the CIMD scale compared to American media. Ultimately, the research demonstrates that LPMCs, as key indicators of conflictogenicity in discourse, not only signal underlying social tensions but also help to pinpoint the society’s most pressing issues.

Keywords: Conflictogenicity Index of Media Discourse (CIMD), media discourse, national communicative style, Lexical Pragmatic Markers of Conflictogenicity (LPMCs), conflictogenic discourse, “Us vs. Them” dichotomy

For citation: Karpovskaya N.V., Davtians I.Ig. (2025). The Conflictogenicity Index of Media Discourse in the Context of the National Communicative Style: Evidence from Mexican and American Mass Media, *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 22–37. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-22-37>

Индекс конфликтогенности медиадискурса в контексте национального коммуникативного стиля (на материале мексиканских и американских СМИ)

Н.В. Карповская, И. И. Давтянц

Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Аннотация. Обострение социально-экономических и геополитических процессов приводит к росту конфликтогенности не только в условиях межкультурной, но и монокультурной коммуникации. Между тем на формирование общественных настроений и развитие конфликтогенных ситуаций значительное влияние оказывают СМИ. Цель настоящей работы заключается в определении индекса конфликтогенности медиадискурса (ИКд), исследовании его взаимосвязи с национальным коммуникативным стилем, а также раскрытии специфики реализации лексических pragматических маркеров конфликтогенности (ЛПМК) в современных мексиканских и американских СМИ. Отдельное внимание уделяется разработке методики расчёта ИКд и её апробации при анализе фактологического материала. Для достижения поставленной цели было проанализировано 680 онлайн публикаций за 2021 – 2025 годы (La Jornada, Excélsior, El Milenio, Fox News, The New York Times, The New York Post и др.), освещавших общую для Мексики и США проблему миграционного кризиса, что позволило подойти к проблеме конфликтогенности в контексте проблематики «свой – чужой». Результаты, полученные в ходе исследования, доказывают значение норм национального коммуникативного стиля для выбора ЛПМК, частотности и плотности их функционирования, а также допустимой степени выраженности в них негативного признака или оценки. Было выявлено, что степень выраженности конфликтогенного признака ЛПМК, как и индекс конфликтогенности дискурса, в разных культурах могут оцениваться по-разному. Так, статьи с высоким для мексиканской лингвокультуры индексом конфликтогенности, оказываются в разряде публикаций, характеризующихся средним (или даже низким) ИКд по сравнению с американскими СМИ. В то же время, как показывает проведённое исследование, ЛПМК, относящиеся к ключевым показателям конфликтогенности дискурса, не только сигнализируют о социальной напряжённости в обществе, но и позволяют выявить его наиболее острые проблемы.

Ключевые слова: индекс конфликтогенности, медиадискурс, национальный коммуникативный стиль, лексические pragматические маркеры конфликтогенности (ЛПМК), конфликтогенный дискурс, оппозиция «свой – чужой»

Для цитирования: Карповская Н.В., Давтянц И.И. (2025). Индекс конфликтогенности медиадискурса в контексте национального коммуникативного стиля (на материале мексиканских и американских СМИ). *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 22–37. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-22-37>

Введение

Конфликтогенный потенциал текстов современных средств массовой информации представляет собой важный объект изучения в социально-гуманитарных науках, что объясняется как центральной ролью массмедиа в конструировании общественного мнения, так и их влиянием на рост социальной напряжённости и рискогенности. Радикализация и «негативные когнитивные искажения» [3, с. 92] характерные для многих информационных ресурсов, нередко проявляются в демонстрации и продвижении отрицательного отношения к определённой социальной группе, стимулируя развитие различных, в том числе межэтнических и межнациональных конфликтов.

В настоящее время, в период значительных геополитических перемен, особую важность и актуальность приобретает выявление особенностей конфликтного типа взаимодействия в отдельных лингвокультурах. Данная проблематика находит отражение в работах многих отечественных и зарубежных учёных (В.С. Третьякова [33], Н.В. Муравьева [26], К. Орте Сосиас [42], Н.А. Белоус [4], А. Бланко Салгейро [37], Н.В. Осколкова [28], А.Е. Босов [5], Дж. Кастаньеда Рохас [38], И.В. Микулина [25], З.Р. Мамсузова [22], Т.В. Ларионова [21], Н.Н. Кошкова [18], Д.Р. Гилязова [7], М.Ю. Никитин [27] и др.). В то же время, сложная международная ситуация, возникшая в различных регионах мира из-за активной миграции населения, диктует необходимость проведения дальнейших исследований конфликтогенности миграционных процессов. В частности, раскрытие специфики языковой объективации образа «чужого» в контексте миграционной проблематики и национального коммуникативного стиля способствует изучению конфликтогенных факторов межкультурного взаимодействия и разработке эффективных стратегий и методов их преодоления, а применение междисциплинарного и лингвопрагматического подходов при анализе фактологического материала позволяет подойти к раскрытию негативных настроений социума и определению его наиболее острых проблем.

Одним из центральных вопросов настоящего исследования является выявление взаимосвязи между индексом конфликтогенности медиадискурса, национальным коммуникативным стилем и актуализацией когнитивно-прагматического потенциала ЛПМК, а также разработка методики расчёта ИК_д и проведение её апробации. В связи с чем предстоит решить ряд задач: рассмотреть различные подходы к понятиям конфликтогенный дискурс и национальный коммуникативный стиль; определить основные характеристики лексических прагматических маркеров конфликтогенности (ЛПМК) и их роль в формировании конфликтогенного дискурса; выявить специфику актуализации когнитивно-прагматического потенциала ЛПМК в мексиканской и американской лингвокультурах; разработать методику определения индекса конфликтогенности высказывания.

Материалы и методология

Теоретической основой для данной работы послужили исследования как в области определения средств диагностики конфликтогенного дискурса (А.П. Костяев [17], О.В. Крамкова [19], Е.Н. Басовская [2], М. Вильямс [46], П.А. Маракулина [23], Л.А. Махина [24], И.В. Глухова [9], Ю.В. Яковлева [36], О.П. Семенец [32], Дж. Папкунова [43] и др.), так и в сфере изучения национального коммуникативного стиля и речевых стратегий (С. Рамос [45], О. Пас [44], О.С. Иссерс [13], Л.В. Куликова [20], И.В. Певнева [30], А.А. Иванова [12], К. Фуэнтес [40], О.С. Чеснокова [35], И.В. Гусева [10] и др.).

Эмпирическую базу исследования составили 680 статей за 2021 – 2025 годы, посвящённые проблеме миграции, из ведущих онлайн-изданий Мексики и США (*La Jornada*, *Excélsior*, *El Milenio*, *Fox News*, *The New York Times*, *The New York Post* и др.). Отбор материала проводился методом сплошной выборки.

В основе методологии лежит комплексный подход, включающий лингвопрагматический и семантико-когнитивный анализ, а также сравнительно-сопоставительный, описательно-аналитический и статистический методы с элементами формализации.

Важнейшим инструментом работы стала авторская методика, позволившая количественно оценить индекс конфликтогенности медиадискурса в Мексике и США.

Конфликтогенный дискурс

Понятие конфликтогенности многоаспектно и имеет различные трактовки в современной науке. Тем не менее, как отечественные, так и зарубежные исследователи независимо от области научных изысканий сходятся во мнении, что крайней степенью проявления конфликтогенности является конфликт, нередко обретающий форму *конфликтной коммуникации*, когда, согласно Л.Н. Цой, происходит «столкновение интересов, потребностей, ценностей и взглядов», которые «репрезентируются в речевой коммуникации и представляют собой нелинейный, естественно развивающийся процесс» [34].

При обращении к проблеме конфликтогенности нередко используется и понятие «дискурс», акцентирующее внимание на необходимости анализа не только языковых аспектов текста, но и «различных экстралингвистических факторов ... обуславливающих соответствующее речевое действие» [11, с. 9], влияющее на возможность возникновения и развития конфликта. Среди наиболее значимых признаков конфликтогенного дискурса чаще всего отмечаются такие, как:

- *использование лингвопрагматического инструментария категории конфликтогенности* (инвективная лексика; слова с негативной коннотацией; категоричные выражения; эмоционально-оценочная лексика и др.);
- *обращение к стилистическим приёмам и выразительным средствам языка* (ирония, сарказм; гиперболизация и поляризация; восклицания, риторические вопросы и др.);
- *применение средств дискурсивного воздействия* (выражение отрицательного отношения к собеседнику, третьим лицам или ситуации; нарушение общепринятых норм вежливого общения; реализация конфронтационных речевых стратегий и тактик: императивность, провокации, угрозы, оскорблений, деление на «своих» и «чужих» и др.; манипулятивные приёмы: использование субъективных негативных оценок; апелляция к эмоциям, а не к рациональным аргументам; упрощение иискажение образа оппонента и др.) [В.С. Третьякова [33], К. Орте Сосиас [42], Карповская [15], Давтянц [11], Н.В. Муравьева [26] и др.].

Такой тип дискурса способен провоцировать возникновение и обострение конфликтов, вызывать отрицательные эмоции у участников коммуникации, а также стимулировать ответные вербальные и невербальные действия со стороны адресата.

Конфликтогенность, как отмечают многие исследователи, является отличительной особенностью современного медиадискурса, проявляясь в способности СМИ влиять на развитие конфликта посредством превращения в полноценных участников, со-конструкторов, со-организаторов, и даже подстрекателей конфликта [6, с. 6]. Одной из наиболее частотных стратегий, к которым прибегают современные журналисты, становится *стратегия дискредитации*, характеризующаяся разнообразными коммуникативными ходами: оскорблений (прямые и косвенные), навешивание ярлыков, насмешки, обвинения и др. [13, с. 285]. Стоит подчеркнуть, что успешность обращения к данной стратегии не зависит от присутствия оскорбляемого лица, так как прагматический эффект достигается за счёт воздействия на адресата-наблюдателя. Тактика оскорблений, используемая в рамках стратегии дискредитации, нередко сочетается с тактикой положительной самопрезентации, что соответствует принципам «идеологического квадрата» Т.А. ван Дейка [39, с. 44].

Ключевую роль в реализации конфронтационных стратегий и тактик играют лексические прагматические маркеры конфликтогенности (ЛПМК), под которыми в настоящей работе понимаются «прагмемы с отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией», направленные «на актуализацию в речи субъективной оценки адресанта через выражение агрессивности, воинственности, враждебности и нетерпимости», обладающие «высоким когнитивно-прагматическим потенциалом, реализация которого способствует возникновению и развитию конфликтных ситуаций» [11, с. 6].

Влияние ЛПМК на формировании индекса конфликтогенности публикаций в СМИ

Если подходить к конфликтогенности как к некому признаку, качеству высказывания / текста / дискурса, то возникает вопрос о степени выраженности этого признака, его интенсивности. В настоящее время к вопросу об определении степени конфликтогенности дискурса обращаются многие исследователи. Так, учёные из Словакии затрагивают проблему установления таких критериев, которые позволяют сделать процесс отнесения того или иного текста к типу hate speech более объективным. В качестве индикаторов авторами рассматриваются: языковой сексизм, разжигание расовой, культурной, религиозной нетерпимости, пропаганда терроризма, призывы к сегрегации и насилию, негативные стереотипы и двусмысленные высказывания, прозвища, личные нападки, насмешки и оскорблении, ирония, сарказм, запугивание и враждебность, вульгаризмы, неоднозначные хэштеги, отрицание исторических событий и др. [43].

Исходя из положения о том, что конфликтогенность – это качественная сторона речи, представляется логичным трактовать индекс конфликтогенности как количественную характеристику качества, его количественную оценку. При этом главную роль в формировании индекса конфликтогенности и определении степени его выраженности будут играть средства выражения лингвопрагматической категории конфликтогенности, сущность которой заключается в актуализации негативных субъективных оценок и негативного отношения говорящего к адресату / третьему лицу / группе людей / ситуации в рамках осознанного или неосознанного применения им коммуникативно-речевой тактики, приводящей к конфликту или провоцирующей его развитие [11, с. 9]. Несмотря на то, что формальный аппарат данной категории охватывает разноуровневые языковые средства, в понимании В. С. Третьяковой и ряда других авторов, наиболее ярко «национальные особенности восприятия такой действительности, как конфликт» проявляются на грамматическом и лексическом уровнях языка [33, с. 145], [31].

Одну из констант конфликтогенного дискурса, как было отмечено ранее, представляют ЛПМК, которые наряду с созданием конфликтогенной ситуации, активно участвуют в передаче отрицательного отношения говорящего к оппоненту, ситуации или объекту речи. Будучи маркерами речевого конфликта, ЛПМК близки таким носителям конфликтных смыслов, как: *дискурсивные маркеры вербальной агрессии* [17], *tension indicators* [46], *лексические маркеры речевого конфликта* [23], *речевые сигналы враждебности* [24], *hate speech indicators* [43], *лингвоконфликтогены* [32] и др. Однако ЛПМК отличаются от других единиц своей регулярной повторяемостью в конфликтогенном дискурсе той или иной группы людей (этноса), что способствует раскрытию актуальных проблем определённого социума. Будучи этноспецифичными, ЛПМК «в полной мере реализуют свой когнитивно-прагматический потенциал лишь в определённом культурном сообществе» [11, с. 12].

С целью определения средств диагностики конфликтогенного дискурса и индекса конфликтогенной напряжённости высказывания логично обратится к методике, в основе которой будут лежать дискурсивный и когнитивно-прагматический подходы, направленные, как на выявление ЛПМК, так и на оценивание их количественных и качественных характеристик, передающих степень воздействия на реципиента и потенциальную опасность для коммуникации.

Методика дискурсивного анализа позволяет: проанализировать стратегии коммуникативного взаимодействия *адресанта* и *адресата*; исследовать их *интерперсональную сферу*, то есть форму общения, мотивы, цели, ценности и т.д.; раскрыть *психологические особенности и эмоциональное состояние коммуникантов*, исходя из эмоционально-оценочной окраски ЛПМК, коннотаций и имплицитных смыслов, стиля, тональности, модальности и т.д.; рассмотреть *контекстуальную сферу*, охватывающую ситуацию и условия общения, национальную специфику, предполагаемые фоновые знания и др.; изучить *механизмы и инструменты конструирования конфликтогенного дискурса*, влияющие на индекс его конфликтогенности, в том числе частотность и плотность ЛПМК, а также особенности актуализации их когнитивно-прагматического потенциала.

Вместе с тем применение когнитивно-прагматического подхода способствует выявлению и объяснению различий в восприятии конфликтных ситуаций представителями разных культур и пониманию конфликтогенности как результата столкновения ментальных моделей коммуникантов. Индекс конфликтогенности высказывания при этом представляется результатом взаимодействия языковых структур и когнитивных моделей адресанта и реципиента.

При разработке методики расчёта индекса конфликтогенности дискурса ($ИК_д$) представляется также целесообразным определиться с критериями его оценки. Не подлежит сомнению тот факт, что критерии оценки должны быть ориентированы на характеристики конфликтогенного дискурса: лексические, стилистические, дискурсивные и прагматические, которые находят своё выражение, прежде всего, в использовании ЛПМК, играющих основную роль в формировании индекса конфликтогенности высказывания.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод о том, что формула расчёта $ИК_д$ должна учитывать следующие параметры ЛПМК в тексте: количественные (частотность, плотность) и качественные (когнитивно-прагматический потенциал, степень выраженности конфликтогенного признака). При этом следует признать, что в части, касающейся определения уровня конфликтогенности ЛПМК, немалую роль играет субъективный фактор. Дело в том, что в композиционном плане категория конфликтогенности, к средствам выражения которой относятся данные маркеры, представляет собой трёхчастную структуру с центральным членом, характеризующим понятие нормы, и двумя противоположными, указывающими на большую/меньшую выраженность (проявленность) признака (ср. с категорией интенсивности см. [16]).

В отрицательном сегменте конфликтогенности (-1, -2, -3) находятся смягчающие (или примиряющие) маркеры. К ним можно отнести, например, использование косвенного обвинения вместо прямого. В то время, как в положительной зоне располагаются те ЛПМК, которые способствуют эскалации конфликта (+1, +2, +3). Деление на шкале конфликтогенности зависит от многих психологических, логических и этнических факторов, отражая субъективное восприятие степени выраженности данного признака. Ординарное же (центральный член) представляет собой коллективно-субъективное восприятие нейтрального, точку отсчёта. Конфликтогенность языковой единицы мы ощущаем только благодаря тому, что бессознательно сопоставляем её как с центральным, нейтральным членом этой шкалы, так и с другими ЛПМК, более или менее способными воздействовать на наши чувства.

В целом, расчёт $ИК_д$ можно представить следующей формулой интегрального показателя:

$$\boxed{\begin{aligned} & ИК_д = \\ & \frac{(Инт_1 * Чт_1 * Пл_1 * КПП_1) + (Инт_2 * Чт_2 * Пл_2 * КПП_2) + (Инт_n * Чт_n * Пл_n * КПП_n)}{Ксл} \times 1000 \\ & \text{Или:} \\ & ИК_д = \frac{\sum (Инт_1 * Чт_1 * Пл_1 * КПП_1)^n}{Ксл} \times 1000 \end{aligned}}$$

Условные обозначения параметров маркера:

1. **Инт₁** – интенсивность 1 ЛПМК, от **-3** до **+3** (степень выраженности конфликтогенности: +1 - негативные коннотации, +2 - экспрессивная лексика с негативной оценкой, +3 - обсценная лексика).
2. **Чт₁** – частотность 1 ЛПМК (сколько раз маркер используется в тексте).
3. **Пл₁** – коэффициент плотности 1 ЛПМК (концентрация в рамках одного высказывания / текста – в процентах).
4. **КПП₁** – когнитивно-прагматический потенциал 1 ЛПМК, от **1** до **5** баллов (под *когнитивно-прагматическим потенциалом* (КПП) нами понимается «возможность актуализации в речи наряду с категориальными значениями, присущими языковым единицам как элементам языковой системы и языковой картины мира, тех имплицатур, которые могут проявиться

при взаимодействии языка с речевой средой и способствовать не только формированию того или иного восприятия, осмыслиения, познания действительности, но и достижению определённого прагматического эффекта» [14, с. 499].

5. **Ксл** – количество слов в тексте.
6. **Подстрочный знак** – цифра, обозначающая принадлежность параметра конкретному ЛПМК.

Действия:

- 1) **Числитель**: сумма произведений всех характеристик каждого ЛПМК в тексте.
- 2) **Знаменатель**: количество слов в тексте.
- 3) **Масштабирование** для исключения дробных значений (*1000).

Пример расчёта:

- Текст: 500 слов, 2 ЛПМК.
- Маркер 1: Инт₁ = 3; Чт₁ = 3; Пл₁ = 0,6%; КПП₁ = 5 → 3*3*0,6*5 = 27
- Маркер 2: Инт₂ = 2; Чт₂ = 4; Пл₂ = 0,8%; КПП₂ = 3 → 2*4*0,8*3 = 19,2
- Сумма: 27 + 19,2 = 46,2
- **Индекс**: (46,2: 500) * 1000 = 92,4

ИК_д составляет 92,4 условных балла (по шкале *1000), что соответствует умеренному уровню конфликтогенности (в диапазоне 50-150 баллов).

Таким образом, *количественный анализ при определении ИК_д* подразумевает подсчёт частотности ЛПМК (общее количество маркеров в тексте); определение их плотности, исходя из формулы: (количество использования маркера / общее количество слов) * 1000; а также оценку градуируемости (степени выраженности конфликтогенности: слабая / умеренная / сильная). В то же время *качественный анализ* направлен на контекстуальное и психолингвистическое оценивание, определение уровня воздействия на реципиента, выявление скрытых смыслов и национальной специфики, то есть на те параметры, которые тесно связаны с национальным коммуникативным стилем, определяющим особенности конфликтного типа взаимодействия в социуме, тип допустимых к использованию лингвоконфликтогенов и их плотность.

Интерпретация результата:

- **ИК_д < 50** → низкий уровень конфликтогенности (прагматика интерпретации: текст публикации не провоцирует значимый конфликт);
- **50 < ИК_д < 150** → умеренный уровень конфликтогенности (прагматика интерпретации: поляризованный, но контролируемый дискурс);
- **ИК_д > 150** → высокий уровень конфликтогенности (прагматика интерпретации: агрессивная риторика, явная эскалация, открытый конфликт).

Следует подчеркнуть, что параметры градации ИК_д (низкий, умеренный, высокий) отражают компромисс между логикой математической модели, данными проведённого анализа и прозрачностью интерпретации, имеют гибкие границы и зависят не только от конкретных задач исследования (например, при проведении анализа юридического или художественного дискурса), но и от норм национального коммуникативного стиля, и от принципов конфликтного / неконфликтного коммуникативного поведения в той или иной культуре.

Конфликтное взаимодействие в свете проявления национального коммуникативного стиля

Речеповеденческие модели коммуникации, как кооперативной, так и конфликтной, в понимании современных авторов, детерминированы, с одной стороны «личностной парадигмой, с другой – особенностями национально-культурного пространства» [18, с. 5], которое получило название национального коммуникативного стиля. Данное понятие используется для обозначения устойчивой совокупности «коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [20, с. 182]. При всей значимости индивидуально-личностных особенностей

коммуникантов, национальные модели речевого поведения, имеющиеся в когнитивной базе лингвокультурной общности, обуславливают восприятие и оценку языковых единиц в том или ином контексте, предопределяя, тем самым, прагматический эффект высказывания и индекс его конфликтогенности.

Так, если обратиться к мексиканским СМИ, становится очевидным, что их отличает довольно низкий индекс конфликтогенности, в первую очередь, при языковой объективации образа «чужого». Подобная тенденция, направленная на внешнее соблюдение высокой степени учтивости, возникла не случайно, а под влиянием целого ряда социальных и исторических факторов, среди них и колониальное прошлое, и экономически более развитый сосед, и социальное неравенство, и др. (см. работы: С. Рамоса [45], О. Паса [44], О. С. Чесноковой [35], К. Фуэнтеса [40], И. В. Гусевой [10], И. Р. Абкадыровой [1], А. В. Гладощук [8] и др.). Консерватизм мексиканского общества, чинопочитание, желание через вежливое поведение избежать противостояния, дистанцирование от власти и преклонение перед более развитыми культурами во многом объясняют сдержанность и относительную неконфликтность мексиканских СМИ.

Однако в медиапространстве Мексики встречаются и публикации с высоким ИК_д. Как правило, в них находят отражение те социальные проблемы, которые волнуют мексиканцев больше всего. Проанализируем, с использованием предложенной выше методики определения ИК_д, статью «Mexicanos ‘estallan’ contra extranjeros porque salsas de taquerías ya no pican: “para gringos”.»¹ («Мексиканцы ‘выходят из себя’ из-за иностранцев, потому что соусы в таquerиях² больше не острые: “они для гринго”.»³), в которой говорится о проблеме джентрификации и активной миграции жителей США в Мексику. Статья была опубликована на сайте издания El Milenio в 2024 году:

	Инт	Чт	Пл %	КПП
Gentrificación	1	7	1,46	3
las salsas no pican	1	10	2	3
un descontento*, inconformidad se preocuparon, un problema	1	5	1	1
pedían un alto, acusa, queja	1	4	0,8	1
la llegada de extranjeros	1	3	0,6	3
el país se adapta a los turistas, adaptado a los salarios, nos tenemos que adaptar,	1	4	0,8	3
muchos no pagan impuestos presuntamente	1	1	0,2	3
objetivo de no afectar el paladar de los extranjeros.	2	1	0,2	4
en nuestro país	1	2	0,4	3
aumento de costos en viviendas	1	1	0,2	3
siendo víctima	2	1	0,2	2
tenemos que hacer algo!!!	2	1	0,2	3
culpa	2	1	0,2	4
se presenta una nueva afectación que pareciera increíble	2	1	0,2	3
gringo	2	2	0,4	4
cabrón	2	1	0,2	2

*В целях упрощения процесса подсчётов ЛПМК с совпадающими характеристиками внесены в одну строку. При определении частотности и плотности их реализации данные суммировались.

$$\text{ИК}_\text{д}=137: 479 \text{ (количество слов в статье)} * 1000 = 286 \text{ баллов}$$

Столь высокий индекс конфликтогенности характерен менее чем для 15% проанализированных статей мексиканских СМИ, что свидетельствует о важности и актуальности проблемы джентрификации для жителей страны. Сравним несколько фрагментов статьи (орфография и пунктуация постов, упомянутых в ней, сохранена):

¹ <https://www.milenio.com/virales/mexicanos-enojados-porque-salsas-ya-no-pican-culpan-a-extranjeros>

² В Мексике taquería – это культовое место дешёвой, вкусной уличной еды: небольшое кафе, киоск или уличная палатка, где готовят и продают тако, традиционные мексиканские лепешки с начинкой.

³ Здесь и далее перевод авторов.

«La gentrificación ha sido un descontento que muchos mexicanos exponen día con día, pues acusan que la llegada de extranjeros en busca de establecerse en nuestro país empieza a ser un problema al generar aumento de costos en viviendas.» – «Джентрификация вызывает недовольство, которое многие мексиканцы выражают изо дня в день, обвиняя иностранцев, приезжающих с намерением обосноваться в нашей стране, в том, что их наплыв уже становится проблемой, так как приводит к росту цен на жильё.».

«En la Ciudad de México está pasando un efecto de gentrificación cabrón que las salsas ya no pican. De hecho, les he dicho a los taqueros ‘Es para gringos verdad? ¿Tienes algo que pique?’ ... , dijo Villar.» – «В Мехико проклятая джентрификация сейчас приводит к тому, что соусы уже большие не острые. По правде сказать, я так и спрашиваю продавцов тако: “Это для грингос, да? А у тебя есть что-нибудь поострее?”... – сказал Вильяр.»

«Estoy siendo víctima de la gentrificación en los tacos ‘El Califa’...» – «Я чувствую себя жертвой джентрификации в «Эль Калифа» – эти тако...».

Примечательно, что нейтральное, по сути, слово *gentrificación* (возможно, даже имеющее отдельные положительные коннотации) обладает высоким КПП именно в мексиканском социально-экономическом контексте, так как из-за джентрификации, которая влечёт за собой рост цен на недвижимость, мексиканцы вынуждены покидать свои дома, уступая их обеспеченным гражданам США. В текстах мексиканских СМИ, относящихся к информационному полю миграции, более 18% ЛПМК приходится как раз на описание негативных последствий от данного обновления и изменения облика городов.

Усилинию ИКД публикации способствовало обращение автора статьи к соцсетям и цитирование постов и комментариев пользователей, что позволило поднять его до очень высокого уровня на шкале конфликтогенности мексиканского публицистического стиля, для которого не характерно использование некоторых ЛПМК, в частности, *gringos*, так как данная лексическая единица относится к разговорному стилю и может вносить в высказывание значительное количество негативных импликатур.

Следует отметить, что в начале статьи реализуются ЛПМК с низкой степенью проявленности конфликтогенности (*descontento* – недовольство, *acusar* – обвинять, *problema* – проблема и др.). Однако постепенно напряжение нарастает, для чего автор обращается к таким ЛПМК, как: *cabrón* (ругательство, в предложенном переводе – проклятая), *gringos* (так мексиканцы называют светлокожих англоговорящих людей, чаще всего граждан США), *víctima* (жертва) и др. В финале статьи читателю предлагается следующий пост из социальных сетей: *«Están cambiando nuestro querido México, tenemos que hacer algo!!!!!!»* – «Они меняют нашу любимую Мексику, мы должны что-то сделать!!!!!!» Местоимение *nuestro* (наши) обладает в данном контексте высоким КПП, так как несёт в себе скрытую отсылку не только к колониальному опыту мексиканцев и интервенции американцев в прошлом, но и к нынешней ситуации, когда американцы «выселяют» мексиканцев из их домов, требуют от них знания английского языка в Мексике и ведут себя как настоящие захватчики (см. [11, с. 18]).

Если для мексиканского варианта испанского языка присущее стремление к сдержанности, то американский английский, по словам Р.Д. Льюиса, отличается «жёсткой» прямотой и своеобразной «грубоватостью», а также постоянной склонностью к преувеличениям и сенсациям [41, с. 184]. В то же время, в коллективной монографии отечественных учёных «Очерк американского коммуникативного поведения» упоминаются и такие доминантные черты американского коммуникативного поведения, как внешняя эмоциональность, открытая демонстрация негативных чувств, шумность, агрессивная самопрезентация [29].

Обратимся к статье *«Small Texas police department says influx of migrants ‘overwhelming’»*⁴ («Небольшое полицейское управление в Техасе называет наплыв мигрантов ‘сокрушительным’»), опубликованной на сайте медиаресурса Fox News в 2021 году. Статья посвящена проблеме

⁴ <https://www.foxnews.com/media/la-joya-texas-police-border-crisis-overwhelming>

беспрецедентно стремительного увеличения на границе с Мексикой числа нелегальных мигрантов, которые надеются попасть в США.

	Инт	Чт	Пл %	КПП
migrant surge, influx	1	5	1,4	5
«overwhelming», UNSUSTAINABLE	2	5	1,4	4
shocked, demands, called on, to act, ignore	2	5	1,4	3
national security crisis, BORDER CRISIS	2	7	2	5
our first line of defense, we're going to lose	3	2	0,6	5
We can't continue like this	2	6	1,75	5

$$\text{ИК}_{\text{д}} = 431:341 * 1000 = 1263$$

Как следует из приведённых данных, ИК_д данной статьи больше, чем в 4 раза превышает ИК_д мексиканской публикации (286), а интенсивность практически всех ЛПМК больше единицы, ср.:

«... *try to deal with what is on this border a humanitarian as well as a national security crisis...*» – «... пытаются справиться с проблемой, которая на этой границе является и гуманитарным кризисом, и угрозой национальной безопасности...»

«**GOP DEMANDS BIDEN ADMINISTRATION ACT AFTER MAYORKAS CALLS BORDER CRISIS ‘UNSUSTAINABLE’.**» – «Республиканская партия требует от администрации Байдена принять меры после того, как Майоркас назвал кризис на границе «неприемлемым.»

«... *the current border situation “cannot continue.” ... the federal government’s system was not designed to handle such an influx of migrants as the U.S. has seen in recent months and he was “very well” aware that the sector recently came close to “breaking”...*» – «... текущая ситуация на границе ‘не может продолжаться’ ...федеральная система управления не была рассчитана на тот наплыв мигрантов, с которым США столкнулись в последние месяцы, и он [Майоркас] был ‘очень хорошо’ осведомлён о том, что этот сектор недавно оказался на грани ‘коллапса’...».

«*We can’t continue like this, our people in the field can’t continue and our system isn’t built for it.*» – «Мы не можем продолжать в том же духе, наши сотрудники на местах не могут так работать, да и вся наша система не предназначена для этого.»

Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые слова напечатаны заглавными буквами, что ещё больше увеличивает их КПП. Наплыв иммигрантов сравнивается автором с террористической угрозой. В статье присутствуют призывы к решительным действиям, а идея о том, что так больше продолжаться не может, повторяется 6 раз, способствуя усилению негативного эмоционального фона.

Подводя итог вышесказанному и опираясь на анализ фактологического материала, можно с уверенностью утверждать, что ЛПМК, характерные для того или иного национального коммуникативного стиля, являются ключевым компонентом медиадискурса, во многом определяющим индекс его конфликтогенной напряженности.

Результаты исследования

Результаты рассмотрения американских и мексиканских СМИ за 2021 – 2025 гг. позволяют прийти к заключению о том, что определяющее влияние на вариативность индекса конфликтогенности медийных текстов оказывают частотность, плотность и градуируемость ЛПМК, реализация которых, в свою очередь, обусловлена особенностями национального коммуникативного стиля.

При освещении миграционного кризиса на границе между Мексикой и США, причиной которого стали миграционные потоки в обе стороны, ИК_д англоязычных американских (и прежде всего прореспубликанских) публикаций чрезвычайно высок: от 600+ условных баллов по шкале *1000 (80% статей). Тогда как в мексиканских СМИ лишь 15% рассмотренных публикаций имели ИК_д 250-300 ед. Важно отметить, что реализуемые в мексиканской прессе ЛПМК отличались низкой степенью выраженности конфликтогенного признака и КПП, не способствующим созданию

эффекта коммуникативного давления, что, скорее всего, связано с тенденцией мексиканского коммуникативного стиля к учивости. Этой же тенденцией, по всей вероятности, объясняется и стремление авторов публикаций в СМИ к имплицитной актуализации конфликтогенного потенциала ЛПМК, ср.:

«...los solicitantes de asilo estaban expuestos a graves peligros mientras esperaban en México...⁵» – «...просители убежища, подвергались серьёзной опасности, пока ожидали решения в Мексике...»

«...más de 72 mil personas regresadas a México... [el Protocolo 'Quédate en México'] las colocó como carne de cañón de secuestros, extorsiones, abusos de autoridad, violaciones de derechos, condiciones precarias de vida, y la muerte...⁶» – «... свыше 72 тысяч человек, отправленных обратно в Мексику... [по программе «Оставайся в Мексике»] стали беззащитными жертвами похищений, вымогательств, произвола властей, нарушений прав человека, нищеты и смерти...».

Для того, чтобы избежать прямого обвинения США в их действиях по отношению к мигрантам, в СМИ Мексики вместо ЛПМК, напрямую осуждающих действия США, нередко используются маркеры, фокусирующиеся на последствиях этих действий.

Заключение

Важнейшая роль, которую играют СМИ в возникновении и развитии конфликтных ситуаций в современном мире, стимулирует интерес исследователей к изучению репрезентации конфликтного типа взаимодействия в медиадискурсе. Сочетая в себе общие для многих естественных языков черты (например, следование речевым стратегиям и тактикам конфликтного типа, несоблюдение норм вежливого поведения, принятых в обществе и др.), конфликтогенный дискурс, тем не менее, обладает определённой национальной спецификой, которая находит своё выражение, помимо прочего, и в актуализации ЛПМК, которые по своей сути являются сигналами враждебности и реализуются в определённых социально значимых контекстах. При этом частотность, плотность и выраженность заложенного в них негативного признака определяются речеведческими, когнитивными и ментальными моделями конкретной лингвокультуры. Национальный коммуникативный стиль, детерминируя основные параметры конфликтного типа взаимодействия коммуникантов, играет решающую роль не только в формировании индекса конфликтогенности медиадискурса, но и в его восприятии представителями соответствующего социума.

© Н.В. Карповская, И.И. Давтянц, 2025

Список литературы

1. Абкадырова И.Р. Слова-реалии и их роль в процессе актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля (на материале современной прозы) : автореф. дис. канд. филол. наук / И. Р. Абкадырова. Воронеж, 2017. 22 с.
2. Басовская Е.Н. Речевые тактики ответа на критику в советской прессе / Е. Н. Басовская // Конфликт в языке и коммуникации: сборник статей / Российский государственный гуманитарный университет, Институт лингвистики; составитель и ответственный редактор Л. Л. Федорова. М., 2011. С. 44–54.
3. Белинская Е.П. Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии / Е.П. Белинская, С.Н. Илюхина // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 4(14). С. 81–95.
4. Белоус П.А. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / П.А. Белоус, Н.В. Осколкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4–2. С. 96–107.
5. Босов А.Е. Функционирование терминов в отечественных лингвистических и юридических текстах второй половины XX – начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа: автореф. дис. ... канд. фил. наук / А.Е. Босов; Нижегородский ун-т им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2009. 26 с.

⁵ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/09/04/politica/juez-federal-falla-a-favor-de-los-solicitantes-de-asilo-en-eu/>

⁶ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/08/13/sociedad/mexico-complice-de-violacion-a-dh-de-migrantes-acusan-organizaciones/>

6. Вартанова Е.Л. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе / Е. Л. Вартанова, Д. В. Дунас, А. А. Гладкова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 4. С. 3–32.
7. Гилязова Д. Р. Исследование конфликтогенного потенциала медийного текста: (на материале текстов масс-медиа и Интернет-текстов): дис. ... канд. фил. наук / Д. Р. Гилязова. Башкирский государственный университет. Уфа, 2022. 197 с.
8. Гладощук А. В. “Мексиканские маски”: введение в “лабиринт одиночества” О. Паса / А. В. Гладощук // Литература двух Америк. 2018. № 4. С. 114–147.
9. Глухова И. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) / И. В. Глухова // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12(408). С. 62–70.
10. Гусева И.В. Национально-обусловленная лексика как культурообразующий фактор формирования мексиканской языковой личности: автореф. дис. ... канд. фил. наук / И. В. Гусева. М., 2013. 23 с.
11. Давтянц И.И. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в контексте оппозиции «свой – чужой» (на материале мексиканских и американских испаноязычных СМИ и социальных медиа): автореф. дис. ... канд. фил. наук / И. И. Давтянц. М., 2024. 25 с.
12. Иванова А.А. Особенности реализации национального коммуникативного стиля в высказываниях о мечте (на материале британского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук / А. А. Иванова. Челябинск, 2012. 21 с.
13. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. Омск: ОГУ, 1999. 285 с.
14. Карповская, Н.В. Когнитивно-прагматический потенциал интенсификаторов в свете процесса метафоризации (переводческий аспект проблемы) / Н. В. Карповская // Древняя и Новая Романия. СПбГУ, 2015. № 16. С. 497–506.
15. Карповская Н. В. О конфликтном дискурсе, лексических маркеров конфликтогенности и их когнитивно-прагматическом потенциале / Н.В. Карповская, И.Р. Абкадырова, И.И. Давтянц // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2022. № 1(2). С. 14–25.
16. Карповская Н.В. Прагматический потенциал языковых единиц в свете детерминации переводческих решений (на материале испанского языка) / Н.В. Карповская. 3-е издание. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2017. 208 с.
17. Костяев А.П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации [Электронный ресурс] / А.П. Костяев // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2010. № 2 (19). С. 101–109. - URL: http://www.tverlingua.ru/archive/019/9_19.pdf. (дата доступа: 06.09.2025).
18. Кошкарова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве: монография / Н.Н. Кошкарова. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. 360 с.
19. Крамкова О.В. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности / О.В. Крамкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 332–335.
20. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л.В. Куликова. Краснояр. гос. пед. Ун-т им. В. П. Астафьева. Монография. Красноярск, 2006. 392 с.
21. Ларионова Т.В. Механизм преобразования дискурсивного пространства вследствие речевого конфликта / Т. В. Ларионова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 3. С. 220–225.
22. Мамсузрова З.Р. Конфликт как когнитивно-коммуникативное пространство / З.Р. Мамсузрова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 28(739). С. 98–103.
23. Маракулина П.А. Языковые маркеры конфликтности / П.А. Маракулина [Электронный ресурс] // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 10: в 2 ч. Ч. 1. Минск, 2016. С. 317–321. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/154201/1/П.А.Маракулина%20Языковые%20маркеры%20конфликтности.pdf>. (дата доступа: 08.09.2025).
24. Махина Л.А. Верbalные и невербальные средства выражения коммуникативно-прагматической категории “враждебность” в конфликтогенных текстах (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук / Л. А. Махина. Санкт-Петербург, 2017. 22 с.
25. Микулина И. В. Конфликтогенные тексты СМИ в судебной практике Белгородской области: типологический, лингвоправовой и профессионально-этический аспекты: автореф. дис. ... канд. фил. наук / И. В. Микулина. Воронеж, 2011. 23 с.
26. Муравьева Н. В. Язык конфликта / Н. В. Муравьева. М.: Термика, 2004. 214 с.
27. Никитин М. Ю. Лингвосемиотические особенности конфликтогенного массмедиийного дискурса: автореф. дис. ... канд. фил. наук / М. Ю. Никитин. М., 2023. 22 с.
28. Осколкова Н.В. Конфликтный текст и языковая личность / Н.В. Осколкова // Записки Горного института. 2008. Т. 175. С. 35–36.
29. Очерк американского коммуникативного поведения: коллективная монография / Науч. ред. И.А. Стернин, М.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2001. 206 с.
30. Певнева И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: автореф. дис. ... канд. фил. наук / И. В. Певнева. Кемерово, 2008. 22 с.
31. Режук З.В. К вопросу о конфликтогенном потенциале жаргонной лексики в современном медиадискурсе [Электронный ресурс] / З.В. Режук, О. В. Ширяева-Ширинг // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 1. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54074775_93622109.pdf (дата доступа: 08.09.2025).
32. Семенец О.П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах / О. П. Семенец // Сибирский филологический форум. 2021. № 3(15). С. 15–32.

33. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. С. 143–152.
34. Цой Л.Н. Конфликтологическая компетенция в коммуникации: теория и практика [Электронный ресурс] / Л.Н. Цой // Сборник статей по материалам международной научной конференции 9-11 июля 2015 г. «Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов». М.: НИУ ВШЭ, 2015. С.126–128. – URL: <https://conflictmanagement.ru/> konfliktologicheskaya-kompetentsiya-v-kommunikatsii-teoriya-i-praktika/#:~:text=Конфликтная%20коммуникация%20-%20это%20столкновение%20интересов,с собой%20нелинейный%2C%20естественно%20развивающийся%20процесс">https://conflictmanagement.ru/ konfliktologicheskaya-kompetentsiya-v-kommunikatsii-teoriya-i-praktika/#:~:text=Конфликтная%20коммуникация%20-%20это%20столкновение%20интересов,с собой%20нелинейный%2C%20естественно%20развивающийся%20процесс (дата доступа: 06.09.2025).
35. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира / О. С. Чеснокова. М.: Ленанд, 2021. 240 с.
36. Яковлева Ю.В. Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917 – 1932 гг.: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Ю. В. Яковлева. М., 2016. 22 с.
37. Blanco Salgueiro A. Cómo hacer cosas malas con palabras: Actos ilocucionarios hostiles y los fundamentos de la teoría de los actos de habla / A. Blanco Salguero // Crítica, Revista Hispanoamericana de Filosofía. 2008. Vol. 40. № 118. Pp. 3–27.
38. Castañeda Rojas G. La violencia verbal en el aula: análisis del macroacto de amenaza. Enunciación / G. Castañeda Rojas // Enunciación. Bogotá, Colombia, 2010. № 16(1). Pp. 58–69.
39. Dijk T. A. van. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Introduction [Электронный ресурс] / T. A. van Dijk. – URL: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2003-Ideology-and-discourse.pdf>) (дата доступа: 06.09.2025).
40. Fuentes C. El Espejo Enterrado [Электронный ресурс] / C. Fuentes. 2013. - URL: <https://fliphml5.com/ualp/gwtz/basic> (дата доступа: 08.08.2025).
41. Lewis R. D. When cultures collide: leading across cultures / R. D. Lewis. Boston - London: Nicholas Brealey International, 2006. 3rd ed. 625 p.
42. Orte Socías C. El abuso verbal / C. Orte Socías // FMC Formación Médica Continuada en Atención Primaria. 2006. № 13(10). P. 574–586.
43. Papcunova J. Perception of hate speech by the public and experts: Insights into predictors of perceived hate speech toward migrants [Электронный ресурс] / J. Papcunova, M. Martončík, D. Fedakova, M. Kentoš, M. Adamkovič // Complex & Intelligent Systems. Springer, 2021. – URL: https://www.researchgate.net/publication/361628616_Perception_of_hate_speech_by_the_public_and_experts_Insights_into_predictors_of_perceived_hate_speech_toward_migrants (дата доступа: 08.08.2025).
44. Paz O. El laberinto de la soledad / O. Paz. Madrid, 1998. P.89. – URL: <https://www.suneo.mx/literatura/subidas/Octavio%20Paz%20El%20Laberinto%20de%20la%20Soledad.pdf> (дата доступа: 08.08.2025).
45. Ramos S. El perfil del hombre y la cultura en México [Электронный ресурс] / S. Ramos. Madrid, España: Espasa Calpe, S.A., 1951. P. 145. – URL: <https://filosofiamexicana.org/wp-content/uploads/2012/11/ramos-samuel-el-perfil-del-hombre-y-la-cultura-en-mc3a9xico.pdf> (дата доступа: 07.08.2025).
46. Williams M. Policing cyber-neighbourhoods: Tension monitoring and social media networks / M. Williams // Policing and Society. 2013. 23(4). P. 461-481.

References

1. Abkadyrova, I.R. *Slova-reali i ikh rol' v protsesse aktualizatsii i modelirovaniia meksikanskogo natsional'nogo kommunikativnogo stilia (na materiale sovremennoi prozy)*: avtoref. kand. ... filol. nauk [Culture-Specific Words and Their Role in the Actualization and Modeling of the Mexican National Communicative Style (Based on Modern Prose)]. Abstract of PhD dissertation] / I.R. Abkadyrova. Voronezh, 2017. 22 p.
2. Basovskaia, E.N. Rechevyye taktiki otveta na kritiku v sovetskoi presse [Speech Tactics of Responding to Criticism in the Soviet Press] / E.N. Basovskaia, Konflikt v iazyke i kommunikatsii: sbornik statei [Conflict in Language and Communication: Collection of Articles] / Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Institut lingvistiki; sostavitel' i otvetstvennyi redaktor L.L. Fedorova. M., 2011. P. 44–54.
3. Belinskaia, E.P. Prostranstvo sotsial'nykh setei kak faktor radikalizatsii konflikta v virtual'nom vzaimodeistvii [Social Media Space as a Factor of Conflict Radicalization in Virtual Interaction] / E.P. Belinskaia, S.N. Iliukhina, Vestnik RGGU. Seriya: Psichologiya. Pedagogika. Obrazovanie RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogy. Education. 2018. No. 4(14). P. 81–95.
4. Belous, P.A. Konfliktnyi diskurs vs konfliktnyi tekst [Conflict Discourse vs. Conflict Text] / P.A. Belous, N.V. Oskolkova, Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalista [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism]. 2007. No. 4–2. P. 96–107.
5. Bosov, A.E. *Funktsionirovaniye terminov v otechestvennykh lingvisticheskikh i iuridicheskikh tekstakh vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka v svete dannykh diskursivnogo analiza*: avtoref. kand. ... fil. nauk [Functioning of Terms in Russian Linguistic and Legal Texts of the Second Half of the 20th – Early 21st Century in the Light of Discourse Analysis Data: Abstract of PhD dissertation]/ A.E. Bosov. Nizhegor. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo. Nizhni Novgorod, 2009. 26 p.
6. Vartanova, E.L. Media i konflikty: issledovanie vzaimovlianiia v aktual'nom akademicheskom diskurse [Media and Conflicts: A Study of Mutual Influence in Current Academic Discourse] / E.L. Vartanova, D.V. Dunas, A.A. Gladkova, Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika [Moscow University Journalism Bulletin]. 2021. No. 4. P. 3–32.
7. Giliazova, D.R. *Issledovanie konfliktogenного potentsiala mediiного teksta: (na materiale tekstov mass-media i Internet-tekstov)*: kand. ... filol. nauk [A Study of the Conflictogenic Potential of Media Text: (Based on Mass Media and Internet Texts): PhD dissertation] / D.R. Giliazova. Bashkirskii gosudarstvennyi universitet. Ufa, 2022. 197 p.

8. Gladoshchuk, A.V. "Meksikanskie maski": vvedenie v "labyrinth odinochestva" O. Pasa ["Mexican Masks": An Introduction to O. Paz's "Labyrinth of Solitude"] / A.V. Gladoshchuk, *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Two Americas]. 2018. No. 4. Pp. 114–147.
9. Glukhova, I.V. Leksiko-semanticheskie sposoby vyrazheniya rechevoi agressii (na materiale angloizachnykh pechatnykh SMI) [Lexical and Semantic Means of Expressing Verbal Aggression (Based on English-Language Print Media)] / I.V. Glukhova, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2017. No. 12(408). P. 62–70.
10. Guseva, I.V. *Natsional'no-obuslovlennaia leksika kak kul'turoobrazuiushchiy faktor formirovaniia meksikanskoi iazykovoi lichnosti: avtoref. kand. ... filol. nauk* [Nationally Determined Vocabulary as a Cultural Factor in the Formation of the Mexican Linguistic Personality: Abstract of PhD dissertation] / I.V. Guseva. M., 2013. 23 p.
11. Davtians, I.I. *Leksicheskie pragmatische markery konfliktogennosti v kontekste oppozitsii «svoi – chuzhoi» (na materiale meksikanskikh i amerikanskikh ispanoizachnykh SMI i sotsial'nykh media)*: avtoref. kand. ... filol. nauk [Lexical Pragmatic Markers of Conflictogenicity in the Context of the "Us vs. Them" Opposition (Based on Mexican and American Spanish-Language Media and Social Media): Abstract of PhD dissertation] / I.I. Davtians. M., 2024. 25 p.
12. Ivanova, A.A. *Osobennosti realizatsii natsional'nogo kommunikativnogo stilia v vyskazyvaniakh o mechte (na materiale britanskogo varianta angliiskogo iazyka)*: avtoref. kand. ... filol. nauk [Features of the Realization of the National Communicative Style in Statements about Dreams (Based on the British English): Abstract of PhD dissertation] / A.A. Ivanova. Cheliabinsk, 2012. 21 p.
13. Issers, O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi: monografija* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech: monograph] / O.S. Issers. Omsk: OGU, 1999. 285 p.
14. Karpovskaya, N.V. *Kognitivno-pragmatischekii potentzial intensifikatorov v svete protessa metaforizatsii (perevodcheskii aspekt problemy)* [The Cognitive-Pragmatic Potential of Intensifiers in the Light of the Process of Metaphorization (Aspects of Translation)] / N.V. Karpovskaya, *Drevniaia i Novaia Romania* [Ancient and New Romania]. SPbGU, 2015. No. 16. P. 497–506.
15. Karpovskaya, N.V. *O konfliktnom diskurse, leksicheskikh markerakh konfliktogennosti i ikh kognitivno-pragmatischekom potentsiale* [On Conflict Discourse, Lexical Markers of Conflictogenicity and Their Cognitive-Pragmatic Potential] / N.V. Karpovskaya, I.R. Abkadyrova, I.I. Davtians // *Bulleten' gumanitarnykh issledovanii v mezhdisciplinarnom nauchnom prostranstve* [Bulletin of Humanitarian Research in Interdisciplinary Scientific Area]. 2022. No. 1(2). P. 14–25.
16. Karpovskaya, N.V. *Pragmatischekii potentsial iazykovykh edinits v svete determinatsii perevodcheskikh reshenii (na materiale ispanskogo iazyka)* [Pragmatic Potential of Linguistic Units in the Light of Determining Translation Decisions (Based on the Spanish Language)] / N.V. Karpovskaya. 3rd ed. Rostov-na-Donu: Iuzhnyi federal'nyi universitet, 2017. 208 p.
17. Kostyaev, A.P. *Diskursivnye markery verbal'noi agressii v professional'noi kommunikatsii* [Discursive Markers of Verbal Aggression in Professional Communication] / A.P. Kostyaev, *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal]. 2010. No. 2 (19). P. 101–109, www.tverlingua.ru/archive/019/9_19.pdf (accessed: 06.09.2025).
18. Koshkarova, N.N. *Konfliktnyi i kooperativnyi tipy diskursa v mezhkul'turnom politicheskem prostranstve: monografija* [Conflict and Cooperative Types of Discourse in Intercultural Political Space: monograph] / N.N. Koshkarova. Cheliabinsk: Biblioteka A. Millera, 2021. 360 p.
19. Kramkova, O.V. *Iazykovye i pragmatischekie faktory konfliktogennosti* [Linguistic and Pragmatic Factors of Conflictogenicity] / O.V. Kramkova, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2011. No. 6–2. P. 332–335.
20. Kulikova, L.V. *Kommunikativnyi stil' v mezhekul'turnoi paradigme* [Communicative Style in the Intercultural Paradigm] / L.V. Kulikova. Krasnoiar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. – Monograph. Krasnoiarsk, 2006. 392 p.
21. Larionova, T.V. *Mekhanizm preobrazovaniia diskursivnogo prostranstva vsledstvie rechevogo konflikta* [The Mechanism of Discursive Space Transformation as a Result of Speech Conflict] / T.V. Larionova, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 220–225.
22. Mamsurova, Z.R. *Konflikt kak kognitivno-kommunikativnoe prostranstvo* [Conflict as a Cognitive and Communicative Space] / Z.R. Mamsurova, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Moscow State Linguistic University Bulletin]. 2015. No. 28(739). P. 98–103.
23. Marakulina, P.A. *Iazykovye markery konfliktnosti* [Linguistic Markers of Conflict] / P.A. Marakulina, *Karpovskie nauchnye chteniia: sb. nauch. st.* [Karpov Scientific Readings: Collection of Scientific Articles]. Issue 10: in 2 parts. Part 1. Minsk, 2016. P. 317–321, <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/154201/1/P.A.Marakulina%20Iazykovye%20markery%20konfliktnosti.pdf>. (accessed: 08.09.2025).
24. Makhina, L.A. *Verbal'nye i neverbal'nye sredstva vyrazheniya kommunikativno-pragmatischekoi kategorii "vrazhdebnost'" v konfliktogennykh tekstakh (na materiale sovremennoi nemetskogo iazyka)*: avtoref. kand. ... filol. nauk [Verbal and Non-Verbal Means of Expressing the Communicative-Pragmatic Category of "Hostility" in Conflictogenic Texts (Based on Modern German): Abstract of PhD dissertation] / L.A. Makhina. Sankt-Peterburg, 2017. 22 p.
25. Mikulina, I.V. *Konfliktogennye teksty SMI v sudebnoi praktike Belgorodskoi oblasti: tipologicheskii, lingvopravovai i professional'no-eticheskii aspekty*: avtoref. kand. ... filol. nauk [Conflictogenic Media Texts in the Judicial Practice of the Belgorod Region: Typological, Linguistic-Legal and Professional-Ethical Aspects: Abstract of PhD dissertation] / I.V. Mikulina. Voronezh, 2011. 23 p.
26. Murav'eva, N.V. *Iazyk konflikta* [The Language of Conflict] / N.V. Murav'eva. M.: Termika, 2004. 214 p.
27. Nikitin, M.Iu. *Lingvosemioticheskie osobennosti konfliktogenного massmediinogo diskursa*: avtoref. kand. ... filol. nauk [Linguo-Semiotic Features of Conflictogenic Mass Media Discourse: Abstract of PhD dissertation] / M.Iu. Nikitin. M., 2023. 22 p.
28. Oskolkova, N.V. *Konfliktnyi tekst i iazykovaiia lichnost'* [Conflict Text and Linguistic Personality] / N.V. Oskolkova, *Zapiski Gornogo instituta* [Journal of the Mining Institute]. 2008. Vol. 175. P. 35–36.

29. *Ocherk amerikanskogo kommunikativnogo povedeniia: kollektivnaia monografija* [An Outline of American Communicative Behavior: A Collective Monograph] / Nauch. red. I.A. Sternin, M.A. Sternina. Voronezh: Istoki, 2001. 206 p.
30. Pevneva, I.V. *Kommunikativnye strategii i taktiki v konfliktnykh situatsiakh obshcheniya obykovodno-bytovogo i professional'nogo pedagogicheskogo diskursov russkoi i amerikanskoi lingvokul'tur*: avtoref. kand. ... filol. nauk [Communicative Strategies and Tactics in Conflict Situations of Everyday and Professional Pedagogical Discourses of Russian and American Linguocultures: Abstract of PhD dissertation] / I.V. Pevneva. Kemerovo, 2008. 22 p.
31. Rezhuk, Z.V. K voprosu o konfliktogennom potentsiale zhargonnoi leksiki v sovremenном mediadiskurse [On the Issue of the Conflictogenic Potential of Jargon Vocabulary in Modern Media Discourse] / Z.V. Rezhuk, O.V. Shiriaeva-Shiring, *Mir nauki. Sotsiologija, filologija, kul'turologija* [World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies]. 2023. Vol. 14, No. 1, www.elibrary.ru/download/elibrary_54074775_93622109.pdf (accessed: 08.09.2025).
32. Semenets, O.P. Tipy lingvisticheskikh konfliktogenov i ikh rol' v rechevykh i psikhologicheskikh konfliktakh [Types of Linguistic Conflictogens and Their Role in Speech and Psychological Conflicts] / O.P. Semenets, *Sibirskii filologicheskii forum* [Siberian Philological Forum]. 2021. No. 3(15). P. 15–32.
33. Tret'iakova, V.S. Konflikt kak fenomen iazyka i rechi [Conflict as a Phenomenon of Language and Speech] / V.S. Tret'iakova, *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of the Ural State University]. 2003. No. 27. P. 143–152.
34. Tsoi L.N. Konfliktologicheskaia kompetentsiia v kommunikatsii: teoriia i praktika [Conflictological Competence in Communication: Theory and Practice] / L.N. Tsoi, *Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9-11 iulija 2015 g. «Nauka o kommunikatsii kak distsiplina i oblast' znaniia v sovremennom mire: dialog podkhodov»* [Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference July 9–11, 2015 “Communication Science as a Discipline and Field of Knowledge in the Modern World: A Dialogue of Approaches”]. M.: NIU VShE, 2015. P. 126–128, https://conflict-management.ru/_konfliktologicheskaya-kompetentsiya-v-kommunikatsii-teoriya-i-praktika/#:~:text=Konfliktnaia%20komunikatsiia%20-%20eto%20stolknovenie%20interesov,soboi%20nelinneinyi%2C%20estestvenno%20razvivaiushchiis%20prosess (accessed: 06.09.2025).
35. Chesnokova, O.S. *Ispanskii iazyk Meksiki: Iazykovaiia kartina mira* [The Spanish Language of Mexico: The Linguistic World-view] / O.S. Chesnokova. M.: Lenand, 2021. 240 p.
36. Iakovleva, Iu.V. *Rechevaia agressiia v polemicheskikh materialakh sovetskikh literaturno-khudozhestvennykh izdanii 1917 – 1932 gg.*: avtoref. kand. ... filol. nauk [Verbal Aggression in Polemical Materials of Soviet Literary and Artistic Publications of 1917–1932: Abstract of PhD dissertation] / Iu.V. Iakovleva. M., 2016. 22 p.
37. Blanco Salgueiro A. Cómo hacer cosas malas con palabras: Actos ilocucionarios hostiles y los fundamentos de la teoría de los actos de habla / A. Blanco Salguero, *Crítica, Revista Hispanoamericana de Filosofía*. 2008. Vol. 40. № 118. P. 3–27.
38. Castañeda Rojas G. La violencia verbal en el aula: análisis del macroacto de amenaza. *Enunciación* / Castañeda Rojas, G. Enunciación. Bogotá, Colombia, 2010. № 16(1). P. 58–69.
39. Dijk T. A. van. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Introduction / T. A. van Dijk, discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2003-Ideology-and-discourse.pdf (accessed: 06.09.2025).
40. Fuentes C. *El Espejo Enterrado* / C. Fuentes. 2013, <https://fliphmt5.com/ualp/gwtz/basic> (accessed: 08.08.2025).
41. Lewis R. D. *When cultures collide: leading across cultures* / R. D. Lewis. Boston - London: Nicholas Brealey International, 2006. 3rd ed. 625 p.
42. Orte Socías C. El abuso verbal / C. Orte Socías, *FMC Formación Médica Continuada en Atención Primaria*. 2006. № 13(10). P. 574–586.
43. Papcunova, J. Perception of hate speech by the public and experts: Insights into predictors of perceived hate speech toward migrants / Papcunova, Jana & Martončík, Marcel & Fedakova, Denisa & Kentos, Michal & Adamkovič, Matúš, *Complex & Intelligent Systems*. Springer, 2021, www.researchgate.net/publication/361628616_Perception_of_hate_speech_by_the_public_and_experts_Insights_into_predictors_of_perceived_hate_speech_toward_migrants (accessed: 08.08.2025).
44. Paz O. El laberinto de la soledad / O. Paz. Madrid, 1998. P.89, www.suneo.mx/literatura/subidas/Octavio%20Paz%20El%20Laberinto%20de%20la%20Soledad.pdf (accessed: 08.08.2025).
45. Ramos S. El perfil del hombre y la cultura en México / S. Ramos. - Madrid, España: Espasa Calpe, S.A., 1951. P. 145, filosofiamejicana.org/wp-content/uploads/2012/11/ramos-samuel-el-perfil-del-hombre-y-la-cultura-en-mc3a9xico.pdf (accessed: 07.08.2025).
46. Williams, M. Policing cyber-neighbourhoods: Tension monitoring and social media networks / M. Williams, *Policing and Society*, 2013. 23(4). P. 461–481.

Сведения об авторах:

Карповская Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации МИМДО ЮФУ, директор Международного института междисциплинарного образования и иbero-американских исследований ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону). Сфера научных и профессиональных интересов: кросскультурная прагматика, проблемы перевода и межкультурной коммуникации, категория интенсивности атрибутивного признака, когнитивно-прагматический потенциал языковых единиц.

E-mail: nkarpovskaya@sfedu.ru

Scopus Author ID: 57211663641

ORCID: 0000-0001-9862-3692

Давтянц Ирина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации Международного института междисциплинарного образования и иbero-американских исследований ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону). Сфера научных и профессиональных интересов: этнопсихолингвистика, межкультурная коммуникация, лингвоконфликтогенность, теория и практика перевода.

E-mail: iidavtiants@sfedu.ru
ORCID: 0000-0003-3877-1612

About the authors:

Natalia V. Karpovskaya, Ph.D in Philology, is Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Translation and Intercultural Communication of the INED, SFedU; Head of the International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies, SFedU (Rostov-on-Don, Russia). Research and professional interests: cross-cultural pragmatics, translation and intercultural communication studies, the category of intensity of an attributive feature, cognitive-pragmatic potential of words.

E-mail: nkarpovskaya@sfedu.ru
Scopus Author ID: 57211663641
ORCID: 0000-0001-9862-3692

Irina Ig. Davtiants, Ph.D in Philology, is Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Translation and Intercultural Communication of the International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies, SFedU (Rostov-on-Don, Russia). Research and professional interests: ethnopsycholinguistics, intercultural communication, linguistic conflictogenicity, theory and practice of translation.

E-mail: iidavtiants@sfedu.ru
ORCID: 0000-0003-3877-1612

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *